

Н. С. СЕМЕНОВ

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ

Традиционно возникновение первых философских идей связывается с именами Фалеса, Пифагора, Парменида или, в крайнем случае, Платона. При этом, однако, не всегда объясняется, почему и как возникли эти идеи, в какой форме они впервые выступили и какое новое содержание открывала здесь для себя человеческая мысль. Рассмотрению этих моментов и посвящена статья.

В философских идеях следует видеть высшее выражение эпохи в мыслях, ее историческое самосознание. По выражению К. Маркса, это «самые тонкие, драгоценные и невидимые соки» данного народа и данной эпохи¹. Ясно, что вопрос о становлении философской идеи тесно связан с вопросом о рождении самой философии как формы общественного сознания. В самом деле, если «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни», то с появлением разделения материального и духовного труда «сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.»². Теперь соответственно различным формам общественного сознания возникают и различные по своему предметному содержанию «типы» идей. Их выработкой занимаются специализированные отрасли духовного производства — научные, художественные, моральные и т. д. Что касается философского сознания, то оно предполагает не только способность постигать в мыслях, т. е. обобщенно-понятийное познание, но и наличие определенной социальной дифференциации общества, развившейся до противоположности классовых интересов. А вместе с этим — и идеологическую потребность их «примирения» в некоем «всеобщем» интересе, который требуется обосновать. Для этого должны уже существовать элементы такого знания, которое приходит в противоречие со сложившимися и освященными традицией представлениями и верованиями. Однако философия не просто усваивает эти новые знания, а придает им систематическую форму учения о мире и самом человеке, выступая тем самым и как исторически первая форма теоретического знания³.

Все эти функции не могла выполнять мифология — идеология первобытнообщинного строя. Мифологическое сознание есть сознание единства рода, есть предметное созерцание этого единства, персонифицированного в богах и героях. В условиях классового раскола такое сознание неизбежно впадает в кризис. Мифологическому мышлению присущ элемент стихийно-чувственного, эмоционального отношения к своему предмету и оно вполне обходится представлением, не нуждаясь в таких формах мысли, как идея или категория. Логическая структура принципиально скрыта от самого этого сознания. Философии же свойственна установка на логически обоснованное объяснение. Уже различие в ней того, что существует «по мнению», и того, что «по истине», дает возможность ставить вопрос о каких-то всеобщих условиях производства знания. В античной философии это проявляется как возможность фиксировать знание в его «сущности», в качестве чего-то объективного, общезначимого, вневлич-

ностного, т. е. как особого предметного мира, противоположного миру чувственных, преходящих вещей. Платон в своем царстве идей фактически и выразил именно эту объективную природу истинного знания, открывая мир идеального, противостоящего индивидуальному человеческому сознанию. А это предполагало вместе с тем и переосмысление того положения, которое занимает человек в порядке бытия.

Вообще, там, где впервые появляется мысль о значении и месте человека в мире как самостоятельная мысль, впервые обнаруживает себя и философское содержание. А с ним неизбежно и философская идея. Таким образом, она возникает, во-первых, из разложения мифологического сознания. Подобное разложение мы находим, например, в представлении о том, что «человек с опорой уже только на собственный разум и собственные руки» господствует или в состоянии господствовать «над силами природы вместо прежнего рабского служения им»⁴. Такой смысл мифа о Прометее, которого недаром молодой К. Маркс называл самым благородным святым и мучеником в философском календаре. Во-вторых, философская идея возникает как радикальная противоположность мифу. В-третьих, как такая противоположность, которая обусловлена наличием элементов научного знания. В-четвертых, как форма систематизации, теоретического синтеза этого знания. В-пятых, как всеобщая, необходимая и в силу этого объективная форма научного познания, продукт которого в том или ином отношении приобретает «принудительное значение для любой психики и силу ограничивать ее индивидуальные капризы»⁵. Наконец, в-шестых, как такая форма обобщения и синтеза, которая позволяет сочетать теоретическую и мировоззренческую значимость и выполнять не только познавательную, но и идеологическую функции.

Правда, следует добавить, что своеобразие первых научно-философских структур мышления, которые открывали «путь специально-математическим и логическим достижениям»⁶, не только в их оппозиции мифологическому мышлению, но и в зависимости от последнего. И не только содержательной (например, вода Фалеса и «водные» космогонии в восточной и греческой мифологии), но и структурной, что особенно явно видно на примере пифагорейцев. Но в этом своеобразии одновременно выражается и противоречие становления первых философских идей.

В мифологическом мышлении как непосредственно предметном нет особой дистанции между наличным миром и его осознанием. Человек как бы сращен с миром и переносит на него свои собственные качества. Мир представляется ему в качестве живого существа. Напротив, философия в самом человеке обнаруживает особый мир — микрокосм. Однако такое перенесение на человека характеристик мира было бы невозможно без той «работы», которую проделала мифология, «очеловечив» мир.

Логика досократовской натурфилософии и строилась на переосмыслении мифологии. Ибо «начала первых натурфилософов способны к инобытию и возвращению к самому себе. Это первая логическая форма идеального как очищенного от мистицизма мышления о бытии»⁷. Отсюда берет начало формирование фундаментального для философии и всякой науки понятия сущности. Ведь «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению»⁸. Логические же философские абстракции, которые были впервые резюмированы в системах Платона и Аристотеля, не могли непосредственно вырабатываться из материала мифологии. Натурфилософия играла здесь роль посредника, создавая необходимые теоретические предпосылки. Именно в рамках натурфилософии, собственно говоря, и рождается первый философский вопрос и первая философская идея — идея первоначала. В ней уже «просвечивает», никогда впоследствии не исчезающая из истории философии, идея субстанции. Правда, на ранней ступени эволюции греческая философия еще оперирует «не однозначно определенными понятиями, а выраженными в слове представлениями... которые... остаются недифференцированными и недискурсивными в своей целостности и синкретичности»⁹. Но это как раз то, из чего могла «родиться» философская идея. В логико-гносеологическом плане ее возникновение обуславливалось отделением от чувственного представления его смыслового «эйдоса» и, далее, логической сущности последнего.

Итак, поскольку «идея выражает сущность предмета... объективную истину его»¹⁰, то и появляется она на той стадии развития мышления,

когда последнее выдвинуло вопрос о сущности. Первыми философскими идеями были идеи первоначала, числовой структуры (гармонической организации), единого (бытия), становления и его внутренней упорядоченности (Логос), пространства и атомистической структуры бытия и т. д. Вот почему Ф. Энгельс находил здесь зародыши всех последующих философских систем. Все эти идеи лежали в основании соответствующих «школ» античной философии и создавали действительные ступени на пути выработки и осознания понятия самой идеи.

Такое осознание — заслуга Платона. До него знали не саму идею, а только тот или иной предметный образ идеи. В значительной мере это справедливо и в отношении к Демокриту, у которого мы находим материалистическую онтологизацию идеи. Под последней он понимал материальную, телесно-скульптурную форму. Гесикий свидетельствует, что у Демокрита «идея — подобие, вид, форма, а также мельчайшее тело»¹¹. Таким образом, идея впервые получает определение формы, но эта форма еще не абстрагирована от субстанционального субстрата, в котором она только и реализована. Она есть «вид» элементарного тела, не отделенный от него. Но возможность такого отделения здесь имплицитно уже присутствует. Ведь мы можем мыслить бесконечное множество пространственно разделенных атомов одной и той же формы. Последняя оказывается тогда тем общим, что в равной мере присуще всем им.

Такое отделение (а лучше сказать, выделение, но зато осуществленное как радикальный принцип) мы встречаем у Платона. Идея у него тоже представляется как субстанциональный эйдос, но пребывающий в особом мире идеальных сущностей и копируемый как совершенный образец в множественности телесного мира. Идея дает нам некое индивидуальное («образ») и в то же время сверхчувственное, лишь умопостигаемое единство этой эмпирической множественности, выступая и как закон самого ее порождения. Нечто вообще настолько истинно, насколько оно соответствует идее, а это соответствие есть причастность истинному (сущностному) бытию. Особенность платоновских идей в том, что, являя собой «чистую» сущность идей, они в то же время вполне наглядны и интуитивны. У Платона идея, следовательно, уже обретает определенные функции, являясь: 1) всеобщим, родовым в вещах; 2) умопостигаемой сущностью; 3) «трансцендентальным» прообразом целых классов вещей, который имеет особый онтологический статус; 4) идеальным законом самого формирования этих классов. Она также определенным образом ориентирует познание, ибо само знание есть не что иное, как постижение (припоминание) объективных идей. Таким образом, в философии Платона идея была осознана как всеобщая сущность, онтологизирована и тем самым сделана объектом последующей рефлексии. Так было заложено основание объективного идеализма. Вместе с тем утверждалась, хотя и в превращенной форме, философская точка зрения на идею как истинную форму некоего всеобщего мышления, а не того, что существует только в индивидуальном сознании субъекта и для него¹².

Рациональный смысл этого «всеобщего» был вскрыт только марксизмом. Как известно, К. Маркс называл объективными мыслительными формами общественно значимые формы¹³. «Рождение» философской идеи мы рассматриваем именно как появление такой объективной формы, получившей, следовательно, общественную значимость. Специфика этой формы связана с характером того содержания, для выявления и фиксации которого она возникла. Об этом содержании мы говорили выше. Но почему же стал возможным и необходимым сам вопрос о сущности, о скрытой основе явлений, которая хотя не совпадает с самими явлениями и даже противоположна им, однако как закон управляет их эмпирическим существованием?

Для марксистско-ленинской философии ясно, что идеи не могут не быть отражением определенных общественных отношений, хотя и весьма опосредованным. В конечном счете, они сами являются общественными отношениями в их идеальной форме. Поэтому и ответ на наш вопрос следует искать в анализе самих общественных отношений. Но возникнув и утвердившись, философские идеи обретают способность развиваться и по своим относительно самостоятельным логическим законам. Диалектическая логика в анализе идей и идеи вообще обязана учитывать оба этих момента.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 105.

² Там же. Т. 3. С. 24, 30.

³ См.: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969. С. 64.

⁴ Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1958. С. 82.

⁵ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии 1979. № 6. С. 129.

⁶ Черняк В. С. История. Логика. Наука. М., 1986. С. 344.

⁷ Дialeктика и практика. М., 1984. С. 322.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 343.

⁹ Богомолов А. С. Дialeктический Логос. М., 1982. С. 58.

¹⁰ Копнин П. В. Идея как форма мысли. Киев, 1966. С. 36.

¹¹ Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970. С. 253.

¹² См.: Гегель Г. Ф. Соч. Т. 2. С. 85.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 86.

Ж. З. АРЗЫМАТОВ

ПРИНЦИП ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Одной из важнейших методологических проблем современной науки является проблема преемственности, которая находит свое выражение в закономерностях развития научного познания. Всякая научная теория исходит из накопленного идейного материала. Новая теория в определенных аспектах является развитием и конкретизацией тех принципов, которые были выдвинуты в прошлом и вместе с тем она несет в себе момент отрицания предшествующей ступени в развитии научного познания. Задача настоящей статьи — показать линии преемственности как проявление закона отрицания отрицания в развитии физической науки на примере анализа развития электродинамической теории.

Развитие науки, как отмечал В. И. Ленин, идет «по спирали», представляя собой «как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе»¹. Из этого следует, что повторяемость как преемственность предполагает не просто сохранение некоторых черт отрицаемого старого и продолжение их существования в рамках нового, но также и сохранение, которое связано с изменением содержания старого (элементов и их отношений) на новом этапе развития.

Известно, что первый и самый обширный период в истории физики завершается созданием механической картины мира. Основы механической картины мира составила механика Ньютона. Следующий, качественно новый период в истории физики — это классическая электродинамика, в которой выделяются этапы кулоновский, фарадеевско-максвелловский и этап электронной теории Лоренца.

Впервые теорию электростатики и магнитостатики, построенную на классических образах ньютоновской механики, изложил французский ученый Ш. Кулон. Кулоновская электростатика и по физическому содержанию (невесомые субстанции — электрические жидкости), и по количественным пространственно-временным представлениям (дальнодействие, центральнодействующие силы, закон обратных квадратов) была еще тесно связана с классической механикой Ньютона и особенностями мышления XVII—XVIII веков. Вещественным, физически реальным для Кулона является заряд. Заряды обладают свойством отталкивать (одноименные) или притягивать (разноименные) друг друга с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними и прямо пропорциональной величинам зарядов. Заряд локализован в пространстве и в этом смысле дискретен. Пространство между дискретными зарядами не играет при этом какой-либо роли в их взаимодействии между собой.

Новые экспериментальные данные, в частности открытие Эрстедом связи между магнитными и электрическими силами, потребовали создания более совершенной физической теории. Вслед за открытием Эрстеда А. Ампер доказал на опыте, что круговой электрический ток создает магнитное поле, направленное по оси круга. Тем самым была выявлена не только удивительная симметрия электрических и магнитных явлений, но и их глубокое внутреннее единство, взаимопорождение. Однако от идеи дальнодействия Ампер все же не отказался, а математическая формулировка закона взаимодействия электрических токов у него аналогична законам Ньютона и Кулона.

В трудах Вебера теории кулоновского периода получили свое логи-